

ЮРИЙ
БУЙДА

ЮРИЙ БУЙДА

Женщина в желтом

МОСКВА
2015

УДК 811.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б90

Оформление серии *Алексея Марычева*

Автор фото *Никита Буйда*

Буйда, Юрий Васильевич.
Б90   Женщина в желтом : сборник / Юрий Буйда. — Москва :
Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Большая литература.
Проза Юрия Буйды).

ISBN 978-5-699-79239-9

Любовь бывает со странностями. Что, например, делать, если ты полюбила мужчину, а он... маньяк, на совести которого несколько жестоко убитых женщин? Мужчина полюбил тебя, а у тебя... физическая аномалия в виде крыла? Ты полюбила мужчину, а он полюбил и тебя, и твою маму тоже? Не любовь — а какая-то бешеная собака, которой никто не указ. Но даже самая необычная любовь способна изменить мир к лучшему и принести счастье!

УДК 811.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Буйда Ю., 2015
ISBN 978-5-699-79239-9 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Третье сердце. Роман

Тогда он сказал им: «Возьмите меня и бросьте меня в море, — и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря».

Иона, 1: 12

1

Пьяный губастый верзила с подбитым глазом в подземном переходе жонглирует двумя мячиками и рыжим апельсинчиком, рядом сидит на полу одноногая некрасивая девочка лет десяти-двенадцати с ярко накрашенными губами, провожающая злым взглядом людей, которые обращают внимание только на табличку, висящую у нее на груди, — «Купи меня, не то я тебе приснюсь» — так написано на табличке, — а он проходит мимо пьяного верзилы с подбитым глазом, жонглирующего в подземном переходе двумя мячиками и рыжим апельсинчиком, у ног которого сидит девочка лет десяти с ярко накрашенными губами, с табличкой на груди — «Купи меня, не то я тебе приснюсь», он бежит мимо, провожаемый злым взглядом одноногой некрасивой девочки лет десяти-двенадцати, сидящей у ног пьяного губастого верзилы, который в подземном переходе жонглирует двумя мячиками и рыжим апельсинчиком, вдруг падающим наземь и катящимся, — он оборачивается ему вслед, девочка закрывает глаза, и лицо ее гаснет, как апельсин на грязном

полу перехода, — и он уже наверху, здесь много людей, машин, много света, поэтому он закрывает глаза, чтобы разглядеть лицо девочки с ярко накрашенными губами, с табличкой на груди — «Купи меня, не то я тебе приснюсь», но ее палящий злой взгляд мешает разглядеть ее лицо, поэтому он открывает глаза и видит рыжий апельсинчик, катящийся к его ногам, преследующий его наяву, как в страшном сне об одноногой девочке и рыжем апельсинчике, которым жонглирует в подземном переходе пьяный верзила с подбитым глазом, у ног которого сидит некрасивая девочка лет десяти-двенадцати с ярко накрашенными губами, с табличкой на груди — «Купи меня, не то я тебе приснюсь», провожающая злым взглядом его, пробегающего мимо, убегającego, все еще бегущего мимо пьяного губастого верзилы с подбитым глазом, в подземном переходе жонглирующего мячиками рядом с некрасивой девочкой, у которой на груди висит картонка с надписью от руки печатными буквами «Купи меня, не то я тебе приснюсь»...

И не уйти, и не остаться. Это не тупик — это замкнутый круг, лабиринт, в котором бьется и мечется безмозглая совесть, пытающаяся отыскать выход там, где нет входа...

Мужчина в добротном сером пальто с меховым воротником опустил на корточки перед девочкой, сидевшей в подземном переходе у Триумфальной арки, снял шляпу и спросил:

— Мадемуазель, как вас зовут?

Он улыбался, от него пахло вест-индским табаком, английским одеколоном и хорошим коньяком.

— А тебе-то что, урод? — буркнула девочка.

— У меня никогда не было сестры, — сказал мужчина.

— Кого? — Девочка ловко закурила сигарету.

— Сестры.

— Сестры... — Она презрительно скривилась. — Такой глупости я еще не слыхала. Значит, тебе нужна сестренка, урод?

У нее был низкий женский голос.

— Меня зовут Тео, — возразил мужчина. — Я фотограф и педофил.

— Педо — кто?

— Педофил. Это значит, что я люблю детей.

— Похоже, ты иностранец, чучело.

— Какой же я иностранец, мадемуазель? Я русский.

— Урод, — пробормотала она и выпустила дым кольцами.

— Ну хорошо. — Он кивнул на ее табличку. — И сколько же вы стоите?

— Сто франков! — Девочка хрипло захохотала. — Сто франков, братец, и ни сантимом меньше! Ну, что скажешь, урод?

— Договорились, — сказал мужчина, поднимаясь и надевая шляпу. — Пойдемте.

— Вот урод. — Девочка сплюнула. — Проваливай, пока я не позвала полицию.

— Жаль, — сказал он, по-прежнему улыбаясь. — До свидания, мадемуазель.

И двинулся к лестнице, ведущей наверх.

— Проваливай! — отчаянно, с надрывом закричала девочка, вытягиваясь всем тощим телом в его сторону. — Убирайся, урод! Чертов урод!

Пьяный губастый верзила уронил апельсин.

Из будки на девочку укоризненно взирала толстуха, которая продавала билеты на смотровую площадку Триумфальной арки. Подумать только, сто франков! Муж толстухи во время войны получал четверть франка в день, подвергаясь при этом смертельной опасности. За четверть франка в день его проткнули штыком, отравили фосгеном, а вдобавок отстрелили левое яичко. Толстуха покачала головой: трудно даже вообразить, что с ним сделали бы за сто франков...

Она вдруг спохватилась, высунулась в окошко — мешала нечеловеческая грудь — и закричала вслед мужчине, поднимавшемуся по лестнице:

— Мадо! Ее зовут Мадо! Мадлен!

— Вот сука, — прошипела Мадо.

Но мужчина их не слышал. Он уже поднялся наверх. Вдоль Елисейских Полей загорались фонари. Он махнул рукой. У тротуара остановилось такси.

— Сен-Жерменское предместье, пожалуйста, — сказал он, откидываясь на сиденье. — Улица Гренель.

Шофер кивнул — вот уже несколько недель ему то и дело приходилось возить пассажиров по этому адресу — и тронул машину.

2

13 ноября 1926 года в Париже состоялась премьера фильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»». В ту пору русским пропагандистским фильмам, как и вообще авангардному кино, театры на Больших бульварах были заказаны. Поэтому известный кинодеятель Леон Муссиак, один из зачинателей движения кино клубов, показал русскую ленту с французскими субтитрами на Монмартре, в маленьком театрике «Артистик» на улице Дуэ (на той самой улице, где когда-то в доме Виардо жил Иван Тургенев).

Премьера эта стала сенсацией. А вскоре на Парижской выставке искусств фильм Эйзенштейна получил главный приз — «супергранпри». Как писали очевидцы, вечерами у «Казино де Гренель», где тогда крутили картину, толпилось до двух тысяч человек, прибывавших сюда, в Сен-Жерменское предместье, кто на велосипедах и в кепках, а кто на «Роллс-Ройсах» и в норковых манто.

В этом фильме рассказывалось о бунте на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в июле 1905 года. Драматург с революционным прошлым Нунэ Агаджанова-Шутко написала огромный и неудобоваримый сценарий под названием «1905 год», но этим сценарием режиссер Сергей Эйзенштейн, можно сказать, пренебрег. Рыхлой политической хронике, сочиненной Агаджановой, которая по большому счету мало чем отличалась от унылого полицейского отчета, Эйзенштейн предпочел динамичную драму в духе Дэвида У. Гриффита: в «Броненосце»

1346 отдельных съемочных планов (в голливудских фильмах тех лет, которые считались образцом динамизма, в среднем таких планов было 600) стремительно летят друг за другом, не давая зрителю ни минуты передышки. Эйзенштейн создал чрезвычайно выразительное произведение, которое в силу своей примитивной архаичности и часто помимо воли режиссера грубо пленяло что мужчин в кепках, что дам в норковых манто.

«Броненосец «Потемкин» много раз назывался «лучшим фильмом всех времен и народов». И как бы комично этот титул ни звучал, картина и впрямь является несомненным шедевром и вершиной мирового киноискусства. А тогда, в 1926 году, она стала еще и заметным событием французской духовной жизни.

В 1926 году жизнь во Франции была насыщенной, противоречивой и напряженной, как на скользком склоне крутой горы или на опасном перекрестке.

Третья республика проклинала вялый рационализм президента Думера и жила надеждами на старика Пуанкаре, который снова возглавил правительство и пообещал остановить девальвацию франка.

Многие все еще распевали песенку «Мадлон победы», напоминавшую о победе над Германией, но только что завершившаяся война в Марокко против рифов, которую выиграл маршал Петен, вызвала духовный кризис французской интеллигенции и активизацию фашистов из *L'ami du peuple*.

Министр иностранных дел Франции Аристид Бриан — вместе с министром иностранных дел Германии

Густавом Штреземаном — получил Нобелевскую премию мира за примирение с Германией, но в церемонии вручения премии, к радости французов, участия не принял.

А тем временем Париж упивался джазом, читал «Mein Kampf», танцевал чарльстон и шимми, восхищался чернокожей танцовщицей Жозефиной Беккер и девятнадцатилетней американкой Гертрудой Эдерле, первой женщиной, переплывшей Ла-Манш — 34,80 мили (56,01 километра) — за 14 часов 31 минуту.

В Париже открылась Большая мечеть, построенная в самом центре города, в V округе, по инициативе и на средства французского правительства в качестве жеста благодарности Франции солдатам-мусульманам, отдавшим за нее жизнь в годы Первой мировой войны. Однако радикальные приверженцы ислама считали эту мечеть скорее издевательством, чем жестом благодарности: у большинства парижских мусульман не было приличной одежды, чтобы показаться в центре города, среди богатых буржуа.

Габриель Шанель придумала свое знаменитое «маленькое черное платье».

Тейяр де Шарден только что был изгнан из Католического института за неортодоксальную интерпретацию первородного греха применительно к эволюции человека и сослан в Китай, где вскоре сделал эпохальное антропологическое открытие, обнаружив и описав синантропа.

В Париж приехал Сальвадор Дали, сразу примкнувший к группе сюрреалистов во главе с Андре Бретоном. Авангардисты внимательно следили за киноэкспериментами Жана Эпштейна, Абея Ганса и Фернана Леже.

Николай Бердяев начал выпускать в Париже журнал «Путь», который стал, пожалуй, самым авторитетным центром интеллектуальной жизни русской эмиграции.

Таким был 1926-й. Этот год не был отмечен грандиозными событиями, однако профессор богословия Марбургского университета Рудольф Бультман, гуляя как-то по берегу Лана с другом, профессором Мартином Хайдеггером, назвал переживаемое время предродовым, промежуточным, *die qualvolle Pause zwischen der Kreuzigung und der Auferstehung* — мучительной паузой между Распятием и Воскресением.

Металл раскалился, но еще не начал плавиться.

«Броненосец» не утонул в этой вавилонской плавильне, хотя за признание публики ему пришлось побороться с фильмом «Сын шейха», который благодаря секс-символу эпохи, любимцу миллионов женщин Рудольфу Валентино в главной роли стал рекордсменом французского проката.

3

В Париже тогда проживало около пятидесяти тысяч русских (в канун Первой мировой их во Франции было чуть более тридцати шести тысяч). Они молились в православных храмах, учили детей в русских школах и спорили о Достоевском в кафе «Ротонда», на дверях которого один едкий завсегдашней однажды предложил начертать лозунг «Психопаты всех стран, соединяйтесь!».

Многие русские имена — антрепренера Дягилева, танцовщика Нижинского, композитора Черепнина, создавшего в Париже Русскую консерваторию, великой княгини Марии Павловны, владевшей модным салоном русских вышивок «Китмир», топ-моделей княгини Трубецкой и графини Белецкой (праправнучки Жуковского), парфюмера Эрнеста Бо, придумавшего Chanel №5, иммунолога Метальникова — были хорошо известны во Франции.

Однако мало кто из русских мог позволить себе деликатесы от Фешона и одежду из салонов, расположенных на Фобур Сен-Оноре. Большинству новых эмигрантов приходилось вкалывать за баранкой такси, на заводах Луи Рено в Бийянкюре или в многочисленных русско-цыганских кафе и кабаре. Первое русское кабаре открылось в 1922 году на улице Пигаль, в «районе красных фонарей», неподалеку от того самого театра «Артистик», где четыре года спустя состоялась премьера «Броненосца». Кстати, в отличие от испанских анархистов, румынских воров и итальянских бандитов, русские эмигранты в массе своей (как, впрочем, и поляки) не доставляли особых хлопот французской полиции.

Русские эмигранты по понятным причинам приняли фильм «Броненосец «Потемкин» холодно, чтобы не сказать — враждебно. Левым французским эстетам было, в общем, наплевать на степень исторической достоверности картины — они восхищались ее мощной выразительностью. А вот русские парижане были возмущены весьма вольным обращением с фактами, допущенным «евреем и большевиком» Эйзенштейном, который воспел бессмыс-